

женіемъ, которыя мирными отличіями не достаются. Вопреки лицемѣрнымъ разсужденіямъ, усердно прививающимся за послѣднее время, что начальникъ для успѣха дѣла не долженъ рисковать собою, ген. Мищенко показывалъ на себѣ примѣръ, какъ надо не бояться опасностей войны, и его рана служить тому нагляднымъ свидѣтельствомъ.

Вступленіе ген. Мищенко на новую должность совпало съ далеко не успокоительными извѣстіями на нашихъ персидской и турецкой границахъ. Въѣстъ съ тѣмъ огромный Туркестанскій округъ, гдѣ, какъ песчинки въ пустынѣ, ватерались горсточки русскихъ людей среди полудикаго, разноплеменнаго населенія, едва прикоснувшись къ цивилизаціи, требуетъ самъ по себѣ для управленія имъ руки твердой и рѣшительной, правящей ровно, безъ крутыхъ и внезапныхъ поворотовъ въ сторону. Послѣ управленія краемъ бездарнѣйшаго, искавшаго дешевой и обманчивой популярности ген. Субботича, послѣ замѣченнаго, къ прискорбію, ослабленія прежней непреклонной дисциплины въ войскахъ, съ именемъ которыхъ связано столько славныхъ традицій въ прошломъ и надеждъ въ будущемъ, нужна усиленная реорганізаціонная работа. Подорванный престижъ Россіи, считавшейся еще недавно во всей Азіи непобѣдимой силой, послѣ неудачъ, постигшихъ армию и раздутыхъ во всей Азіи какъ восточной фантазіей, такъ и нашими доброжелателями, настойчиво требуетъ не ложной гуманности и попустительства, всегда понимаемыхъ и на Востокѣ, какъ слабость, а властнаго голоса, за которымъ слѣдуютъ немедленно исполненіе и дѣло.

Наша Средняя Азія еще такъ недавно была широкой ареной безпрепятственнаго и безнаказаннаго состязанія освободителей, открыто переманивавшихъ гарнизоны на свою сторону и вызывавшихъ губительныя волненія въ войскахъ на соблазнъ и

поощреніе полудикихъ туземцевъ, за которыми стоитъ священное зеленое знамя пророка. Пора колебаній и растерянности должна отнынѣ стать печальнымъ преданіемъ прошлаго и по-прежнему знамя русской власти должно одѣлаться знаменемъ всего нашего Востока. Будемъ вѣрить, что тотъ генералъ, который съ такой честью умѣлъ на Дальнемъ Востокѣ держать знамя военной чести, сумѣетъ удержать его и на своемъ новомъ отвѣтственномъ посту.

„Напутствіе“ туркестанскому ген.-губернатору.

(Письмо въ редакцію).

По поводу назначенія въ Туркестанъ генерала П. И. Мищенко «Новое Время» разрѣшилось передовой статьей, въ которой даетъ свое руководящее наставленіе и напутствіе отправляющемуся на свой постъ генералъ-губернатору; но, заодно, тутъ же сводитъ свои личные сче-ты и съ однимъ изъ старыхъ...

Хотя въ первыхъ строкахъ и говорится, что ген. Мищенко ѣдетъ въ Туркестанъ «вмѣсто ушедшаго ген. Гродекова», но зато въ срединѣ статьи напоминаетъ и заявляется тому же генералу Мищенкѣ, что онъ пріѣдетъ въ Туркестанъ «послѣ управленія краемъ бездарнѣйшаго (!), искавшаго дешевой и обманчивой популярности, ген. Субботича (?), послѣ замѣченнаго ослабленія прежней непреклонной дисциплины въ войскахъ»...

Такимъ образомъ, ген. Мищенко, до-вѣрившись руководству «Нов. Времени», легко могъ бы запутаться въ хронологіи, забыть, чьимъ пріемникомъ онъ является и, пожалуй, даже придти къ тому заключенію, что расцвѣтъ «непреклонной дисциплины» въ туркестанскихъ войскахъ наблюдался въ смутные дни октября, ноября и декабря 1905 года, — до пріѣзда ген. Субботича въ срединѣ января 1906 года, — когда этотъ послѣдній всю эту «непреклонную дисци-

плину» взять да и разрушилъ.

Но ген. Мищенко, конечно, сообразить, что въ данномъ случаѣ «Нов. Время» озабочено не столько выясненіемъ «истины», сколько желаніемъ обозвать генерала Суботича «бездарнѣйшимъ генераломъ». А такъ какъ ген. Суботичъ проживаетъ нынѣ въ Петербургѣ на положеніи зауряднаго безмундирнаго обывателя, то пишущій въ «Нов. Врем.» анонимъ имѣетъ полную возможность доставить себѣ желанное удовольствіе вполне безнаказанно, чтобы затѣмъ съ гордостью одного изъ крыловскихъ персонажей заявить: «И я его лягнулъ...»

Что же касается ознакомленія ген. Мищенко съ личностью ген. Суботича, то «Нов. Время» могло бы объ этомъ совершенно не беспокоиться, ибо ген. Мищенко осведомленъ объ этомъ предметѣ гораздо раньше и гораздо лучше «Нов. Времени».

Какъ старый сослуживецъ по Дальнему Востоку и боевой товарищъ по китайской кампаніи 1900 года въ южной Манчжуріи, ген. Мищенко, конечно, лучше «Новаго Времени» понимаетъ, что, если на генерала Суботича и возможно возлагать отвѣтственность за дисциплину въ какихъ-либо войскахъ, то отнюдь не въ Туркестанѣ, гдѣ онъ пробылъ всего 8 мѣсяцевъ, а на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ на различныхъ военныхъ постахъ онъ находился въ теченіе цѣлыхъ 8 лѣтъ. А что такое «сибирскія» войска, въ какомъ духѣ они воспитаны,—объ этомъ не только ген. Мищенко, но всѣ русскіе люди хорошо знаютъ по минувшей русско-японской кампаніи. Если затѣмъ достоинство начальствующихъ лицъ характеризуется подборомъ подчиненныхъ и качествомъ лицъ, выдвинутыхъ ими впередъ, то и здѣсь также знакомые съ дѣлами Дальняго Востока легко могутъ припомнить, что въ 1900 году, во время похода изъ Портъ-Артура въ Мукденъ, ген. Суботичъ на наиболѣе отвѣтственный флангъ своего отряда поставилъ полковника П. И. Мищенко, давши ему возможность проявить и свою храбрость, и свои

несомнѣнныя выдающіяся боевыя способности, которыя, по окончаніи похода, доставили ему, Мищенкѣ, георгіевскій крестъ. Могутъ припомнить также и то, что въ 1903 году, покидая постъ приамурскаго генераль-губернатора, ген. Суботичъ передалъ командованіе войсками округа не своему помощнику, какъ полагалось по уставу, а вызвалъ изъ Николаевска въ Хабаровскъ генерала Н. П. Лаврова, который затѣмъ и оставался на этомъ посту, встрѣтя здѣсь и кампанію 1904 года. Думается мнѣ, что за эти свои «симпатіи» ген. Суботичу нынѣ краснѣть не приходится...

И вотъ теперь, когда генералу Мищенкѣ, отправляющемуся въ Туркестанъ, дають свои напутственные совѣты нововременскіе анонимы, я думаю, что будетъ позволительно сказать нѣсколько словъ и мнѣ, его старому сослуживцу и боевому товарищу. Это тѣмъ болѣе позволительно, что совѣтъ, который я хочу дать, крайне не многословенъ и гласитъ всего слѣдующее: «Не слушайте никогда совѣтовъ «Новаго Времени»!...

Если «Нов. Время» позволяетъ себѣ открыто въ грубой формѣ высказывать свое сужденіе о моей личности, то, конечно, и мнѣ позволительно отвѣтить такую же «откровенностью»...

И какъ самое глубокое и самое искреннее свое убѣжденіе, я скажу, что «Новое Время» это—вреднѣйшая изъ всѣхъ русскихъ газетъ.

За 30 лѣтъ своего существованія она причинила Россіи столько зла, сколько не принесли его всѣ враги внутренніе и внѣшніе, взятые вмѣстѣ. Тотъ «адъ», тотъ кровавый кошмаръ въ которомъ пребываетъ и мучается Россія въ послѣдніе 3 года, если не всецѣло, то главнѣйшимъ образомъ былъ подготовленъ руками «Новаго Времени». Тотъ повсемѣстный распадъ и разложеніе, которые мы видимъ нынѣ, были также результатомъ долгой проповѣди челоѣконенавистничества, долголѣтняго патравливанія и наускиванія, которыя непрерывно шли со страницъ «Новаго Времени».

Развѣ не «Новое Время» больше всѣхъ

«поработало» надъ тѣмъ, что русскіе люди, 20—25 лѣтъ тому назадъ чувствовавшіе себя въ Финляндіи какъ у себя дома, встрѣчаютъ тамъ нынѣ всеобщую враждебность и недовѣріе?

Развѣ не «Новое Время» болѣе 10 лѣтъ натравливало эстовъ и латышей на нѣмцевъ, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ кряду нѣмцевъ на эстовъ и латышей и развѣ не оно болѣе всѣхъ отвѣтственно за ту междоусобицу, которая залила нынѣ кровью весь Прибалтійскій край?

Развѣ не «Нов. Время» болѣе всѣхъ оттолкнуло отъ Россіи Польшу, ту Польшу, которая самымъ ходомъ международныхъ отношеній, какъ славянская народность такъ естественно тяготѣла къ искреннему и прочному единенію съ Россіей, къ единенію отнюдь не менѣе возможному подъ властью великаго русскаго Государя, чѣмъ то было когда-то съ Литвою подъ властью Ягеллоновъ?

Развѣ не науськиваніе и натравливаніе «Нов. Времени» посылало на Кавказъ ту междоусобицу, которая сдѣлала невозможной жизнь въ этомъ богатѣйшемъ отъ природы краѣ?

Все это—на окраинахъ. А развѣ не то же самое въ центрѣ?

Развѣ не нововременская неустанная проповѣдь челоѣконенавистничества, развѣ не длинный рядъ погромовъ, подготовленныхъ между прочимъ и подстрекательствомъ «Новаго Времени», сдѣлали то, что робкое отъ природы, скромное, трезвое и трудолюбивое еврейство,—спокойно ведущее себя въ Германіи, Франціи, Англіи и Америкѣ,—начало выдѣлять у насъ бундистовъ, бомбистовъ и анархистовъ?...

Развѣ не та же неустанная долготная нововременская проповѣдь своекорыстнаго эгоизма и холоднаго безсердечія, проповѣдь неразборчивости въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, развѣ не она создала наблюдаемое теперь повсюду глубокое паденіе народной и общественной нравственности, въ результатъ чего Россія переполнилась многотысячными толпами нищихъ, воровъ, грабителей и разбойниковъ?...

Это все—внутри. А развѣ не такіе же результаты созданы были и въ нашихъ внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ?

Развѣ не «Новое Время» принизило и почти погубило ту всеславянскую идею, подъ знаменемъ которой оно и само когда-то, давно выступало? Развѣ не оно болѣе всѣхъ поработало для утраты нашего вліянія и авторитета на Ближнемъ Востоке, у балканскихъ славянъ?

А на Востоке Дальнемъ?... Развѣ не «Новое Время», развѣ не его дикія и оскорбительно заносчивыя статьи сдѣлали то, что искренно желаемый Японіею союзъ съ Россіей въ 1902—3 гг. былъ нами отвергнутъ? Развѣ не «Новое Время» болѣе всѣхъ повинно въ томъ, что Россія втянулась въ совершенно ненужную ей войну, въ которой погибло около 200 тысячъ ея сыновъ и въ которой поглощены 4 или 5 миллиардовъ ея кровныхъ народныхъ денегъ?...

Да, неисчислимо и неизмѣримо все то зло, которое, принесено Россіи и русскому народу 30-лѣтней проповѣдью этой газеты!

Итакъ, повторяю свой совѣтъ П. И. Мищенію: «Не слушайтесь никогда совѣтовъ «Новаго Времени»!

Д. Суботичъ...

Г-жа Бунина экспонирует образцы наделан покрытых старым японским вотатым лаком, нмѣ почти исчезнувшимъ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть еще о довольно обширной смѣшанной коллекціи разныхъ владѣльцевъ музыкальных инструментовъ.

Вдѣсь есть рѣдкіе образцы дудокъ вымирающихъ сибирскихъ инородцевъ—карагасовъ.

Много другихъ азіатскихъ струнныхъ инструментовъ.

Есть коллекціи малороссійскихъ бандуръ, старинныхъ и новѣйшихъ. Изъ нихъ нельзя не отмѣтить старинный торбанъ, принадлежащій художнику Дудину.

С. П.

Объ обузданіи революціи.

По роду и мѣсту своей предшествовавшей службы, не имѣя въ «обузданіи революціи» никакой практики, ни въ жандармскихъ управленіяхъ, ни въ охранныхъ отдѣленіяхъ, я волей-неволей, прибывъ въ срединѣ января 1906 года въ Туркестанъ, вынужденъ былъ приступить къ этому дѣлу лишь на основаніи собственныхъ теоретическихъ соображеній и воззрѣній. Думаю, однако, что таковыя могли дать мнѣ кое-что цѣнное и пригодное для дѣла: на плечахъ моихъ лежалъ все-таки опытъ 53 лѣтъ жизни, за мной была все-таки 36-лѣтняя служба тремъ русскимъ государямъ, имѣлась нѣкоторая научная подготовка, нечуждая познаній исторіи, какъ русской, такъ и всемірной, и непосредственныя наблюденія надъ жизнью государствъ и народовъ, за время многократныхъ моихъ путешествій въ Европѣ и Америкѣ. Мнѣ казалось (да и теперь еще кажется), что при такихъ условіяхъ я имѣлъ право, очутившись на генераль-губернаторскомъ посту, дѣйствовать по своему собственному внутреннему убѣжденію отнюдь не менѣе, чѣмъ какой-нибудь высоковыскочившій салонный «джентльменъ» изъ предводителей дворянства по назначенію...

На всякую революцію я смотрѣлъ (да и

теперь смотрю), какъ на временное болѣзненное состояніе государственнаго организма, являющееся слѣдствіемъ продолжительнаго неудовлетворенія какой-либо важной и существенной потребности этого организма. На мой взглядъ, эта неудовлетворенная потребность впервые уже дала о себѣ болѣе или менѣе явственно знать еще за 80 лѣтъ до 1905 года,—въ декабрѣ 1825-го... И когда теперь, чрезъ 80 лѣтъ, 17 октября 1905 года, съ высоты Престола громко, явственно и во всеуслышаніе возвыщено было о «непреклонной волѣ даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы», то я видѣлъ въ этомъ, что «болѣзнь» опредѣлена правильно, и что методъ «леченія» избранъ готъ, какой надобенъ. Я видѣлъ, что великое дѣло, начатое 19 февраля 1861 года, готовится получить свое естественно и логическое завершеніе, и какъ русскій патріотъ (имѣвшій случай доказать свой патріотизмъ не на бумагѣ, а на поляхъ сраженій) не могъ не радоваться за Государя и государство.

Я не могъ, конечно, не знать, что револю-

ціонныя проявленія въ Туркестанѣ, составляють не мѣстную болѣзнь, а обще-государственную, и, слѣдовательно, ея леченіе должно производиться не мѣстными, а обще-государственными приемами и средствами. Великія несчастія, постигшія Россію на поляхъ Манчуріи и въ водахъ Тихаго океана, а затѣмъ разлившаяся повсюду смута, обнаружили глубокое разстройство центральныхъ органовъ государственнаго организма въ сферѣ законодательной и административной, гдѣ утрачены были вслѣдствіе этого необходимые имъ довѣріе и авторитетъ въ глазахъ народа. Отсюда совершенно естественно было, что для прекращенія смуты, для «обузданія революціи» прежде всего рѣшено было: «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обеспечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Государя властей».

Въ строгомъ соответствіи съ этимъ выраженіемъ Верховной Воли находились и мои первыя слова и дѣйствія по прибытіи въ Туркестанъ. Встрѣтившимъ меня представителямъ мѣстнаго населенія я прежде всего заявилъ, именемъ пославшей меня Верховной Власти, что все важнѣйшія нужды края будутъ представлены и защищены въ Гос. Думѣ свободно избранными представителями самого населенія, а я буду вѣрнымъ и строгимъ исполнителемъ и охранителемъ законовъ, которые будутъ установлены Государемъ въ согласіи съ народными представителями.

Конечно, о дѣйствительности такой мѣры «обузданія революцій» могутъ быть различныя мнѣнія. Но на-лицо имѣется все-таки слѣдующій, говорящій самъ за себя фактъ: изъ 6½ миллионѣ населенія Туркестана (безъ Хивы и Бухары) 95% составляютъ «туземцы» (киргизы, сарты, туркмены и т. п.) и все они, несмотря на высоту прокатившейся по Россіи волны, остались ею не захваченными, сохранивъ полное спокойствіе. Сопоставленіе Туркестана съ другими нашими окраинами (хотя бы даже съ соседнимъ Кавказомъ) едва ли можетъ говорить не въ его пользу...

Здѣсь уместно будетъ сказать, что послѣдовавшее чрезъ полтора года послѣ этого измѣненіе избирательнаго закона, лишившее избирательныхъ правъ именно это же самое

населеніе Туркестана, — является въ моихъ глазахъ мѣропріятіемъ, цѣлесообразность и справедливость котораго можетъ быть подвергнута значительному сомнѣнію...

Конечно, нельзя игнорировать и тѣ 5%, которые представляются населеніемъ русскимъ. Безспорно, оно было затронуто революціонной волною, хотя и въ болѣе слабой степени, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, но все же нуждалось въ заботахъ объ успокоеніи. И здѣсь я вѣрилъ въ цѣлебную силу того же «лекарства». Только, конечно, нужно считаться съ тѣмъ, что «болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками»; поэтому, если «болѣзнь» не про-

ходитъ моментально, — какъ только прописанъ рецептъ и отосланъ въ аптеку, — то этимъ особенно огорчаться не слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе не приличествуетъ приходить въ неистовство и умоизступленіе...

Если, на примѣръ, нѣсколько десятковъ или сотенъ болѣе юныхъ рабочихъ изъ железнодорожныхъ мастерскихъ истолкуютъ слова манифеста о «неприкосновенности личности, свободѣ слова и собраний», какъ право ходить по улицѣ съ краснымъ флажкомъ на палкѣ и распѣвать марсельезу, то, конечно, можно противъ столь дерзкихъ «революціонеровъ» выслать роту солдатъ и разстрѣлять ихъ на мѣстѣ; но вѣдь можно также и ничего не дѣлать, въ томъ предположеніи, что іерихонскія стѣны государства русскаго сразу не развалятся, а «революціонеры» пройдутъ разъ, другой, третій, а съ четвертаго и перестанутъ... Изъ двухъ способовъ я предпочелъ послѣдній. Конечный результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же; но только въ первомъ случаѣ отъ него пахнетъ кровью (да еще русской кровью), а во второмъ онъ достигается безъ пролитія крови, да къ тому же и обладаетъ несомнѣнно болѣею прочностью.

Конечно, когда, на примѣръ, солдаты сапернаго и железнодорожнаго батальоновъ, истолковавъ неправильно указъ объ амнистіи, съ ружьями въ рукахъ устремляются къ вокзалу, чтобы силой освободить своихъ товарищей, увозимыхъ послѣ осужденія за участіе въ бунтѣ 1905 года, то примѣненіе вооруженной силы здѣсь дѣлается неизбежнымъ. Но если, послѣ обмѣна залпами между батальонами бунтовщиковъ и усмирителей, остается на мѣстѣ одинъ «выбывшій изъ строя», а не нѣсколько сотенъ, то русскому генералу, прожившему 35 лѣтъ съ русскими солдатами, сожалѣть объ этомъ, конечно, не приходится.

Интересенъ также вопросъ: какъ дѣйствовать въ подобномъ случаѣ офицерамъ взбунтовавшихся ротъ? — слѣдуетъ ли имъ

бросить бунтовщиков на произвол судьбы и остаться самимъ въ казармахъ, или же нужно пойти вмѣстѣ съ ними и до конца дѣлать свои усилія къ успокоенію и урезониванію взбунтовавшихся? Я лично держусь того мнѣнія, что обязательенъ второй способъ дѣйствія, и думаю даже, что быстрый и благоприятный результатъ усмиренія былъ въ данномъ случаѣ всецѣло обязанъ, именно, такому поведенію офицеровъ. Если же какой-нибудь «сикофантъ», желающій «отличиться», настроитъ въ подобномъ случаѣ доносъ на командующаго войсками округа, какъ на «укрывателя бунтовщиковъ», то на подобный доносъ я могъ бы отвѣтить только гадливымъ презрѣніемъ, даже и въ томъ случаѣ, когда подобный доносъ исходилъ бы отъ моего товарища по выпуску изъ академіи...

При сильномъ желаніи, можно также истолковать, какъ «попустительство революціонерамъ», и тотъ случай, когда генералъ-губернаторъ протестуетъ противъ закрытія желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и оставленія безъ работы и средствъ къ жизни двухъ тысячъ рабочихъ съ ихъ семьями, изъ-за того только, что какой-нибудь десятокъ легкомысленныхъ озорниковъ пытался накинуть мѣшокъ на голову завѣдывающаго мастерскими инженера. Но и къ этому обвиненію мое отношеніе можетъ быть только такимъ же, какъ и къ предыдущему...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Суботичъ.

Прогрессъ Афганистана. Съ тѣхъ поръ, какъ эмиръ Хабибъ-Улла вступилъ, семь лѣтъ тому назадъ, на афганскій тронъ, говоритъ авторъ статьи въ «Morning Post» посвященной дѣламъ Афганистана, онъ постоянно выказываетъ себя мудрымъ и просвѣщеннымъ монархомъ, искренне стремящимся сдѣлать все, что въ его власти, ради преуспѣнія страны; кроме того, онъ сознавалъ, что это можетъ быть достигнуто лишь примѣненіемъ западныхъ методовъ. Хабибъ-Улла по-

нялъ, что развитію его страны, главнымъ образомъ, препятствовало почти полное отсутствіе образовательныхъ учрежденій, и принялъ рѣшительныя мѣры. Много другихъ жгучихъ и трудныхъ вопросовъ мѣшали удѣлать этому должное вниманіе. Эмиръ былъ занятъ подавленіемъ мятежа въ округахъ Хазара и Гильзай, завоеваніемъ вновь Кафиристана и его умиротвореніемъ и окончательнымъ отграниченіемъ Афганистана, вызывавшимъ долгіе и временами острые споры между эмиромъ и представителями Индіи, Россіи и Персіи. Однако, несмотря на эти событія и другія, нѣсколько менѣе важныя, эмиръ не упускалъ изъ вида образовательную политику. Его первымъ шагомъ было основаніе Хабебійскаго университета близъ Кабула и созваніе дурбара изъ главныхъ должностныхъ лицъ и вождей различныхъ племенъ, изъ которыхъ состоитъ афганское населеніе.

Эмиръ указалъ всемъ собравшимся на огромное значеніе воспитанія для ихъ дѣтей и для молодежи страны вообще. Благодаря содѣйствію индійскаго правительства онъ получилъ возможность воспользоваться услугами д-ра Абдула Гани, образованнаго индуса, учившагося въ Англіи, и ввѣрилъ ему дѣло народнаго просвѣщенія въ Афганистанѣ. Подъ надзоромъ д-ра Гани начальныя школы стали возникать, какъ въ самомъ Кабулѣ, такъ и вокругъ него, и теперь около Хабебійскаго университета объединено съ полсотни такихъ школъ. Штатъ этого университета сдѣланъ вполне компетентнымъ для выполненія своей задачи и число студентовъ и оканчивающихъ курсъ умножается съ каждымъ годомъ. Все это, однако, было достигнуто не безъ сильнаго и упорнаго противодѣйствія со стороны многихъ руководящихъ афганскихъ вождей, и такой успѣхъ объясняется лишь терпѣніемъ и твердостью эмира. Послѣдствія основанія университета сказываются теперь ясно въ Кабулѣ, гдѣ образованность среди населенія стала замѣтно распространиться и выше, чѣмъ въ началѣ царствованія Хабибъ-Уллы. Ли-

IV.

» Аму-дарьинскомъ отд. до . . .	100.000
» юго-вост. части Мервскаго у. (противъ московскаго биржев. комит. Ермолаева) до	200.000
А всего — свыше	1.000.000

Повидимому, въ выборѣ мѣста пока можно не стѣсняться.

Агрономъ С. Понятовскій.

Послѣдніе туркестанскіе генералъ-губернаторы.

Съ уходомъ генерала-отъ-инфантеріи Гродекова съ поста туркестанскаго генералъ-губернатора въ исторіи нашего владычества въ Средней Азіи закончилась еще одна страница. Значеніе для Россіи ея средне-азиатской окраины въ экономическомъ и въ военно-политическомъ отношеніяхъ слишкомъ велико, чтобы не оправдать нашего желанія бросить самый бѣглый взглядъ на то, что сдѣлано въ Туркестанѣ за послѣднія 6—7 лѣтъ.

Въ началѣ 1901 г. туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Ивановъ. Новый начальникъ края въ молодыхъ чинахъ участвовалъ въ походахъ при покореніи Туркестана и затѣмъ послѣдовательно занималъ административныя должности, начиная начальникомъ уѣзда и кончая военнымъ губернаторомъ. Словомъ, опытность и глубокое знакомство съ краемъ были налицо. Если къ этому прибавить, что генералъ Ивановъ, по всей справедливости, слылъ за человека въ высокой степени работоспособнаго, умнаго и доброжелательнаго, то казалось-бы, что лучшаго выбора и сдѣлать было нельзя. Но при всѣхъ этихъ неоспоримыхъ положительныхъ качествахъ генерала Иванова, при назначеніи его упущено было изъ виду одно обстоятельство; а именно, забыли, что и доброты, и работоспособности, и доброжелательства недостаточно и для того, чтобы управлять своеобразнымъ краемъ, по площади равняющимся цѣлой трети Европейской Россіи, и для того, чтобы утверждать въ этомъ краѣ русскую гражданственность и

подготовлять вмѣстѣ съ тѣмъ, край для тѣхъ великихъ политическихъ цѣлей, осуществленіе конхъ, при извѣстныхъ международныхъ комбинаціяхъ, могло-бы основываться на всесторонней готовности Туркестана. Для всего этого необходимо было имѣть еще широкій взглядъ на вещи, способность работать во имя идеи, не размѣниваясь на мелочи и предоставляя каждому изъ подчиненныхъ очерченную ему закономъ сферу дѣятельности,—другими словами, надо было быть государственнымъ человекомъ. Между тѣмъ, генералъ Ивановъ, при всѣхъ, повторяемъ, его положительныхъ качествахъ, государственнымъ-то человекомъ врядъ-ли

могъ-бы быть признанъ. Доказательствомъ служить то, что, управляя краемъ при тѣхъ общихъ благопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ жила вся Россія передъ русско-японской войной, генералъ Ивановъ не провелъ ни одной изъ тѣхъ насущныхъ реформъ, которыя настоятельно требовали своего осуществленія. Пожалуй, наплюсъ тогдашнему туркестанскому генералъ-губернатору могли-бы поставить постройку ташкентской желѣзной дороги, имѣя въ виду ея исключительное значеніе для края въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Но это едва-ли было-бы справедливо, такъ какъ первоначальная идея о желѣзнодорожной связи Ташкента съ Оренбургомъ зародилась еще при генералъ-адъютантѣ Клауфманѣ въ срединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а постановка вопроса на практическую почву и настоятельное требованіе его осуществленія принадлежитъ предшественнику генерала Иванова генералу Духовскому и его ближайшему помощнику въ военныхъ дѣлахъ начальнику штаба округа генералу Бѣлявскому. На долю генерала Иванова выпала лишь счастливая участь быть фактическимъ исполнителемъ идей, выработанныхъ и поставленныхъ въ жизненные условія его предшественниками. Если-же къ изложенному добавить, что генералъ Ивановъ при своемъ добромъ сердцѣ не обладалъ особенной способностью разбираться въ людяхъ и питалъ нѣкоторую слабость къ „старымъ туркестанцамъ“, послѣдствіемъ чего было, напр., назначеніе пресловутаго депутата

2-й Думы Наливкина ферганским вице-губернатором, а также что, вследствие отсутствия необходимой твердости при проведении равъ установленных программных требований, при немъ началось завоевание Туркестана польскими евреями и особенно кавказцами, главнымъ образомъ, армянами, отъ чего въ настоящее время положительно стоитъ край—то станетъ яснымъ, что положительное значеніе дѣятельности генерала Иванова для Туркестана въ высокой степени было умалено.

Въ маѣ 1904 г. генералъ Ивановъ скончался, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-отъ-кавалеріи Тевяшовъ, незадолго до того времени покинувшій постъ главнаго интенданта. Казалось-бы, послѣдняя должность могла способствовать выработкѣ той административной опытности и широтѣ взглядовъ, которые должны-бы были присущи „вице-

королямъ“ Туркестана, какъ называютъ англичане безъ задней мысли нашихъ туркестанскихъ генералъ-губернаторовъ. Но у генерала Тевяшова было чисто русское, боярское прошлое, въ лучшемъ смыслѣ этого слова: служба въ блестящихъ кавалерійскихъ полкахъ гвардіи и даже нѣкоторый административный цензъ въ видѣ астраханскаго губернаторства. Правда, губернаторство прошло не совсѣмъ благополучно, и во время холерной эпидеміи дѣло не обошлось безъ серьезныхъ безпорядковъ, гдѣ высшій представитель власти врядъ-ли могъ-бы быть признанъ стоящимъ на высотѣ своего положенія, но въ Петербургѣ, при назначеніи генерала Тевяшова, это, должно быть, было упущено, какъ было упущено и то, что въ возрастѣ новаго кандидата, хотя-бы и дѣйствительно подходящаго по своимъ личнымъ качествамъ для предназначаемаго ему поста, было болѣе свойственно думать о томъ, чтобы все шло тихо и спокойно, безъ излишнихъ тревоженій, чѣмъ заниматься знакомствомъ съ неизвѣстнымъ для него, но крайне своеобразнымъ краемъ и быть достойнымъ партнеромъ другому вице-королю, лорду Керзону, имѣя въ виду невыясненность нашихъ отношеній къ Англіи во время русско-японской войны. Послѣдующее, нѣсколько болѣе чѣмъ годовое,

генералъ-губернаторство показало, что дѣло двигалось скорѣе по инерціи, чѣмъ во имя осуществленія какихъ-либо программныхъ задачъ. Ко времени объявленія „свободъ“, въ октябрѣ 1905 г., возрастъ взялъ уже свое, и генералъ Тевяшовъ настолько занемогъ, что сдалъ свою должность помощнику генералъ-губернатора генералу Сахарову. Въ ноябрѣ 1905 г. генералъ Тевяшовъ скончался. Въ февралѣ 1906 г. пріѣхалъ вновь назначенный генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Субботичъ.

Дѣятельность генерала Субботича слишкомъ громко и слишкомъ много заставила о себѣ говорить, чтобы нужно было еще останавливаться на ней. Считаемо не бесполезнымъ указать на лишь незначительную, но крайне характерную подробность, коей сопровождался пріѣздъ новаго генералъ-губернатора: въ экстренномъ поѣздѣ съ его превосходительствомъ прибылъ въ Ташкентъ бывший (?) корреспондентъ одной изъ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ. Корреспонденціи этого новаго туркестанца ранѣе касались, главнымъ образомъ, Кавказа и отчасти Туркестана. Новый бытописатель Туркестана былъ давно извѣстенъ и своими

сообщеніями съ юга Россіи, главнымъ образомъ, съ Кавказа, и своимъ, не совсѣмъ обыденнымъ, прошлымъ; все это врядъ-ли давало основаніе знавшимъ его признать его за человека талантливаго, безпристрастнаго и безкорыстнаго. Самый фактъ пріѣзда вновь назначеннаго генералъ-губернатора съ газетнымъ сотрудникомъ не прошелъ незамѣченнымъ для многихъ изъ ташкентцевъ и сразу выяснилъ ту *отправную точку*, отъ которой будетъ исходить новый начальникъ края. Къ сожалѣнію, послѣдующія событія только подтвердили зародившуюся догадку. Не будемъ также долго останавливаться и на томъ, какъ генералъ Субботичъ создалъ столь необыденное отношеніе къ военнымъ властямъ Ташкента, что вызвалъ съ ихъ стороны такое выходящее изъ ряда военной жизни событіе, какъ коллективная явка къ генералъ-губернатору для объясненія, или говоря проще, съ протестомъ.

„Отъѣздъ“ генерала Субботича изъ Ташкента также достаточно извѣстенъ.

Назначенный въ концѣ 1906 года гене-

ралъ-губернаторомъ генералъ-отъ-инфантеріи Гродековъ былъ давно извѣстенъ Туркестану, гдѣ онъ служилъ не только въ сравнительно молодыхъ чинахъ, но и занималъ, хотя не съ особенно доброю славою, нѣсколько лѣтъ отвѣтственный постъ сыр-дарьинскаго губернатора. Передъ назначеніемъ въ Туркестанъ генералъ Гродековъ былъ приамурскимъ генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ, опытность и серьезное знакомство съ краемъ у новаго начальника Туркестана—внѣ сомнѣній. Но за почти полугодовое управленіе краемъ благоустройство послѣдняго сдѣлало скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ впередъ. Мы имѣемъ въ виду не только полное отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ реформъ, но еще и то недостаточно энергичное, выражаясь мягко, преслѣдованіе экцессовъ „освободительной“ волны, которые въ теченіе второй половины 1907 года проявились по всему Туркестану въ невѣдомыхъ дотолѣ размѣрахъ. Что дѣло было именно въ недостаткѣ энергіи, доказательствомъ этого служить, слѣдующее обстоятельство: когда въ концѣ-концовъ все-таки пришлось прибѣгнуть къ необходимому возмездію, дерзкіе грабежи сразу прекратились. Между тѣмъ послѣдствія проявленія слабости власти сказались въ наиболѣе опасномъ направленіи: среди мирнаго туземнаго населенія, почтеннаго и заслуживающаго уваженія, по многимъ духовнымъ и матеріальнымъ вопросамъ жизни стоящаго на высокой степени культуры, до которой, къ слову сказать, очень еще далеко намъ, съ нашимъ европейскимъ образованіемъ,—среди этого населенія начался развалъ, теперь еще пока въ смыслѣ нарушенія добрыхъ нравовъ, но на чемъ этотъ развалъ остановится, это, зная близкую къ природѣ непосредственность восточныхъ народовъ, въ данный моментъ и учесть невозможно. Будущее Туркестана по многимъ причинамъ чревато серьезными послѣдствіями. До открытаго возстанія, по крайней мѣрѣ, въ значительныхъ размѣрахъ, конечно дѣло, не дойдетъ. Но что мы, вообще, односторонне культуртрегеры, развратимъ честный, трудолюбивый народъ—это болѣе чѣмъ ясно. И нужно у новаго администратора не только полное

сознаніе совершающагося, но и сильная воля, чтобы прекратить развитіе уже пустившаго корни зла. Что за причины подобнаго отношенія къ дѣлу, обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ считаемъ еще не своевременнымъ, но что не послѣднюю роль игралъ почтенный, не столько годами, сколько общимъ состояніемъ возрастъ только что ушедшаго на покой туркестанскаго генералъ-губернатора, это смѣемъ думать, — не подлежитъ сомнѣнію.

Итакъ, за семь лѣтъ четыре генералъ-губернатора. Въ среднемъ на каждого менѣе чѣмъ два года управленія; причемъ генералъ Ивановъ пробылъ во главѣ Туркестана нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ, генералы Тевяшовъ и Гродековъ около полутора года каждый, а генералъ Субботичъ—всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Исно, что даже большіе таланты не въ силахъ проявить себя должнымъ образомъ въ столь короткій промежутокъ времени, а если прибавить болѣе чѣмъ почтенный возрастъ однихъ назначаемыхъ лицъ и не всегда удачный выборъ другихъ, то станетъ очевиднымъ, что дѣло нашего строительства въ Туркестанѣ и не могло подвинуться впередъ.

Дѣятельность каждого изъ вновь назначаемыхъ генералъ-губернаторовъ начиналась обыкновенно болѣе или менѣе полною смѣною своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и нѣсколькими, какими полегче, объѣздами, якобы, для ознакомленія съ краемъ. Если исключить это проявленіе „активности“, то вся остальная дѣятельность ограничивалась, главнымъ образомъ, продолженіемъ уже существовавшаго ранѣе бумагописанія. Насущ-

ные вопросы или не поднимались, или же съ ними тянулась обычная наша канцелярская волокита. Время, конечно, не ждало, многое хорошее старое, во-время не поддерживаемое, приходило въ упадокъ и вынѣ грозитъ крушеніемъ. Особенно серьезно состояніе туземнаго населенія.

Если къ этимъ недочетамъ прибавить еще и тотъ узко матеріальный, въ видѣ не одной тысячи рублей, которую каждый новый генералъ-губернаторъ получаетъ подъемными деньгами и усиленными прогонами, то от-

части можно будетъ себя представить, во что обходятся Россіи такіе администраторы, назначаемые иногда на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ данный моментъ возникаетъ во всей своей серьезной важности вопросъ о преемникѣ генерала Гродекова. Газеты уже успѣли оповѣстить о предполагаемомъ назначеніи на постъ главнаго начальника Туркестана ген.-лейтенанта Вѣлявскаго. Лицамъ, знакомымъ съ прошлымъ Туркестана и съ дѣятельностью генерала Вѣлявскаго, извѣстіе о его кандидатурѣ служитъ доказательствомъ того, что правительство сознало, наконецъ, необходимость остановить свой выборъ на лицѣ, которое, намъ кажется, будетъ проводить въ Туркестанѣ политику, наиболее отвѣчающую интересамъ Россіи и ея высокоцѣнной средне-азіатской окраины.

Генералъ Вѣлявскій служилъ въ Туркестанѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ начальникомъ штаба войскъ самаркандской обл., помощникомъ начальника штаба округа и начальникомъ штаба округа. Его основательное знакомство съ краемъ запечатлѣно нѣсколькими работами по изученію Туркестана, помѣщенными въ спеціальныхъ военныхъ изданіяхъ. Лично знавшимъ его—генералъ Вѣлявскій извѣстенъ не только самъ, какъ человѣкъ работоспособный, но и какъ умѣющій выбрать и заставить работать другихъ во имя идеи.

Возрастъ генерала Вѣлявскаго и сохранность его физическихъ и духовныхъ силъ даютъ полное основаніе предполагать, что нашъ туркестанскій край въ лицѣ его найдетъ просвѣщеннаго и долготѣяго руководителя.

П. Л.

Истребленіе... миллионѣвъ.

Представьте себѣ, что кто-нибудь, за-
давшись ~~цѣлью~~ уничтожить въ своемъ
домѣ таракановъ, началъ-бы ежедневно уби-
вать ихъ по 20 штукъ.

Разумѣется, можно съ увѣренностью
сказать, что такой остроумный господинъ
будетъ вынужденъ до конца дней своихъ
заниматься этой охотой безъ малѣйшей
надежды на успѣхъ.

Бромъ разочарованія, онъ рискуетъ
еще сдѣлаться предметомъ общихъ насмѣ-
шекъ и заслужить какое-нибудь обидно-
шутливое прозвище.

Но если-бы тотъ-же «тараканщикъ»
началъ для истребленія двадцати таракановъ
въ день держать дорого оплачиваемую
прислугу, то, по всей вѣроятности,
его наследники позаботились-бы учредить
надъ нимъ опеку.

Между тѣмъ, нѣчто подобное такому
способу истребленія таракановъ мы ви-
димъ въ нашихъ средне-азіатскихъ вла-
дѣніяхъ.

Только тамъ дѣло касается не таракановъ,
а саранчи, и ведется въ грандіоз-
ныхъ размѣрахъ.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ тратятся еже-
годно сотни тысячъ на истребленіе этой
зловредной твари съ весьма отдаленной
надеждой на полный успѣхъ.

Болѣе чѣмъ десятилѣтній опытъ до
сихъ поръ не убѣдилъ еще вѣдающихъ
этимъ дѣломъ бюрократовъ, что саранчу
невыгодно истреблять постепенно, а мож-
но истребить только сразу,—много въ
два—три приѣма.

Правда, на это дѣло потребуется, быть-
можетъ, цѣлый миллионъ, но это будетъ
все-таки много выгоды, чѣмъ тратить
по 100—200 тысячъ ежегодно въ те-
ченіе 10—15, можетъ-быть, 20 лѣтъ.

Съ наступленіемъ весны въ саранче-
выхъ комитетахъ Туркестанскаго края
опять закипѣла работа. Готовятся въ по-
ходъ на врага, сначала скачущаго, а по-
томъ летающаго.

Собственно, правильно организованная
борьба ведется съ врагомъ только въ пер-

ТЕРОРЪ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

I.

Со времени завоеванія Туркестана этотъ благословенный край былъ однимъ изъ самыхъ мирныхъ въ Имперіи. Отраженный степями и Каспійскимъ моремъ, Туркестанъ жилъ своей обособленной жизнью. Присутствіе войскъ, окруженныхъ еще ореоломъ недавнихъ побѣдъ, гуманное управленіе властей, — особенно непохожее на произволъ туземныхъ хановъ, всякія льготы населенію, незначительныя подати, широкая раздача земель туземцамъ, все это способствовало тому, что туркмены, сарты, киргизы были рады высказывать при каждомъ возможномъ случаѣ свои вѣрно-подданинческія чувства. Разбои, грабежи, убійства были сравнительно рѣдки и практиковались только между туземцами, убійство или грабежъ русскаго считалось невозможнымъ, неслыханнымъ преступленіемъ.

Проведеніе оренбургъ-ташкентской дороги и общее развитіе края привлекло множество пришельцевъ изъ Россіи, среди которыхъ громадное количество представляли армяне, кавказцы, и евреи, и нельзя сказать, чтобы эти народности выслали на окраину своихъ лучшихъ представителей.

Когда неудачи войны вызвали въ народѣ волненія, «освободительные» безпорядки нашли себѣ откликъ и въ русской части туркестанскихъ городовъ. «Господа ташкентцы» разныхъ видовъ, неудачники и недоучки, бѣжавшіе въ Среднюю Азію искать новой дѣятельности и забвенія прошлаго, рѣшили, что и они не должны отставать отъ «товарищей» Европейской Россіи и начали революціонную свистопляску.

Въ сожалѣнію нѣкоторые представители военной администраціи придали серьезное значеніе всѣмъ тѣмъ конторщикамъ, писцамъ и другимъ полуграмотнымъ сочинителямъ митинговыхъ резолюцій, стали принимать ихъ и разговари-

вать съ ними, какъ съ дѣйствительными представителями общественнаго мнѣнія и даже считаться съ ихъ «требованіями» (?!), чѣмъ только поощряли безумныхъ фантазеровъ революціи къ еще большей развязности и наглости, усиливая ихъ самомнѣніе, будто бы они «сила».

Управленіе среднеазиатской желѣзной дороги въ Асхабадѣ было терроризовано «исполнительнымъ комитетомъ» дороги, состоявшимъ изъ невѣжественныхъ социаль-нахаловъ, въ обыкновенное время переписывающихъ «исходящія» и «входящія», графики и накладныя. Движеніе дороги приостановилось. Напрасно начальникъ дороги, недавно убитый генералъ Ульянинъ, настаивалъ на необходимости военной силой возстановить движеніе на военной дорогѣ. Бывшій въ то время начальникъ области не желалъ принимать рѣшительныхъ мѣръ, «избѣгая кровопролитія», и уступилъ даже требованію желѣзнодорожныхъ временщиковъ убрать съ линіи военныхъ часовыхъ, такъ какъ видъ солдатъ будто бы раздражаетъ мирныхъ обывателей и «они», «депутаты исполнительнаго комитета», не ручаются за спокойствіе. Движеніе на дорогѣ было возстановлено только рѣшительной инициативой на Кушкѣ генерала Прасолова, схватившаго бунтовать солдатъ и спасеннаго отъ висѣлицы благодаря агитаціи Хрусталева-Носаря и его «свѣта». Прасоловъ началъ возстановлять движеніе поѣздовъ по Мургабской вѣткѣ, а это сразу показало всю преувеличенность силъ забастовщиковъ.

Теперь генералъ Ульянинъ отправленъ на тотъ свѣтъ какимъ-то социаль-негодяемъ, увеличивъ своимъ именемъ синодикъ тѣхъ убитыхъ русскихъ дѣятелей, которые безбоязненно работали надъ защитой русской государственной власти въ завоеванныхъ нашей кровью азіатскихъ владѣніяхъ. Генералъ Ульянинъ былъ скромный, но смѣлый русскій слуга Царю и Родинѣ, не гонявшійся за рекла-

мен и не шедши ни на какія уступки натискамъ освободительныхъ нагнетовъ. Къ сожалѣнію, находясь въ подчиненномъ отношеніи къ высшимъ властямъ въ краѣ, генералъ Ульянинъ вынужденъ былъ иногда даже отмѣнять свои собственные приказы. Такъ, напримѣръ, когда рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Ташкентѣ безъ всякаго основанія оскорбили главнаго инженера Ш., набросивъ на него угольный мѣшокъ, Ульянинъ по телеграфу закрылъ мастерскія, пока рабочіе не осудятъ поступившихъ незаконно своихъ товарищей. Однако, ему было приказано мастерскія снова открыть, виновные остались безнаказанными и нераскрытыми, хотя имена ихъ были извѣстны, и даже рабочіе получили плату за время бездѣйствія мастерскихъ.

Вообще, терору въ Туркестанѣ способствовала безнаказанность преступниковъ. За два послѣднихъ года убійствъ ни одинъ изъ революціонныхъ социалъ-воровъ, социалъ-убійцъ, серьезно не пострадалъ. Только Грюнбергъ и Бодрицкій, какъ схваченные на мѣстѣ преступленія убійцы, пошли на каторгу, — но что такое каторга для современныхъ преступниковъ, какъ не станція по дорогѣ въ Парижъ или Лондонъ? Но и эти два мясника попали въ судъ только благодаря тому, что ихъ схватили и задержали случайныя лица изъ публики, обыкновенно же «товарищи» помогали убійцамъ скрываться.

Но кто же эти социалъ-палачи, которые во имя высокихъ словъ предають смертной казни русскихъ чиновниковъ? Бодрицкій — изгнанный изъ кадетскаго корпуса недоросль, котораго мѣстная подстрекательная къ убійствамъ газета «Русскій Туркестанъ» воспѣвала, какъ милаго, свѣтлаго юношу. Однако, этотъ юноша, послѣ коварнаго убійства, бѣжалъ по улицѣ, какъ заяцъ и выстрѣлилъ по дорогѣ въ женщину съ ребенкомъ, боясь, что они помѣшаютъ ему спастись. Грюнбергъ полутраотный нѣмецъ или эстонецъ, писецъ изъ технической конторы,

начитавшись журнала «Былое», послѣдовалъ тѣмъ идеаламъ, которые въ немъ проповѣдываются.

Сдѣлаться въ Туркестанѣ «мученикомъ идеи» очень легко, для этого нужно кончить 1½ класса гимназій, но обязательно прочесть полтора пуда революціонныхъ брошюръ, прослушать тричетыре митинга и готовъ «борецъ за свободу». Поскоблите его и вы сейчасъ же увидите хама, а для хама все просто и ясно, какъ апельсинъ. Чужая жизнь — копейка, чужой сундукъ — предразсудокъ. Осудить и убить человѣка можетъ всякій, способный держать въ рукѣ браунингъ.

Убиты начальникъ станціи, начальникъ дороги, мировой судья, прокуроръ, ветеринарный врачъ и т. д. — за что? Что сдѣлали звѣрски убитыя жертвы такого, за что можно было бы требовать уплаты жизнью.

Ничего!

Они честно исполняли свой долгъ и только. Но эта-то честность, какъ стимулъ совершенно непонятный пикелированному хаму, и является исходной точкой для революціоннаго палачества.

Пресловутые «экспроприаторы» хотѣли бы, идя на грабежъ, совершать шествіе по разостланнымъ коврамъ; они хотѣли бы, вскрывая сундуки, получить отмычки отъ городскихъ и по совершеніи благородной операціи отдохнуть за хорошей сигарой. Всѣ, кто мѣшаетъ имъ, обречены на смерть. Подъ ихъ револьверомъ валяются конторщики, кассеры, полицейскіе чиновники и даже публика. Что ее жалѣть, дуру? Только жизнь революціонера драгоцѣнна для родины. Лишь въ крайнемъ случаѣ онъ, видя неудачу, пускаетъ и себя пулю въ лобъ, — но никто насъ не увѣритъ, что такіе поступки являются актомъ самоотверженія: они есть слѣдствіе самой ординарной трусости, боящейся действительныхъ страданій за учиненное преступленіе.

Своеобразная эволюція совершилась съ русской революціей — изъ великаго акта въ жизни народа она превратилась

въ простой грабежъ, а адепты ея въ простыхъ убійцъ.

Стрѣляй въ галку и ворону—дострѣляешься и до яснаго сокола!

Единственная независимая смѣлая газета борется съ терроромъ въ Туркестанѣ,—это «Среднеазиатская жизнь», редактируемая въ Ташкентѣ талантливымъ горячимъ журналистомъ, устройтелемъ первыхъ русскихъ поселковъ И. И. Гейеромъ. Прогрессивный въ своихъ убѣжденияхъ и въ то же время независимый отъ пресмыканья или заигрыванья съ революціонными выродками, этотъ энергичный, непреклонный въ своихъ взглядахъ общественный дѣятель, съ самаго начала хулиганской свистопляски ведетъ газетную борьбу, защищая русское дѣло въ Азіи, подвергаясь яростнымъ нападкамъ своихъ же русскихъ національных предателей, вроде Паливкина, Морозова и т. п.

Изъ «Среднеазиатской жизни» перепечатываемъ горячія строки, посвященные террору въ Туркестанѣ и новой его жертвѣ—ташкентскому приставу Августовскому.

«Смѣлый, энергичный исполнитель вѣлѣній закона, Августовскій неизмѣнно стоялъ на стражѣ спокойствія города и палъ жертвою честнаго исполненія долга. Палъ на своемъ посту, сраженный предательскою пулею изъ-за угла въ затылокъ.

Современный герой иначе не стрѣляетъ.

Еще въ пятницу стали ходить слухи, что на засѣданіи рыцарей подполья никелированные хамы приговорили его къ смерти. Случись подобная штука съ «героемъ», онъ удралъ бы безъ оглядки подъ чужимъ паспортомъ отъ грозящей опасности. Но слуги долга не бѣгаютъ. Они честно стоятъ на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока «герой» не свалитъ ихъ изъ-за угла. Въ субботу покойный идетъ на дежурство въ театр. Товарищи указываютъ на подозрительное поведеніе группы лицъ, о чемъ-то сговаривавшихся, о чемъ-то перешепты-

вавшихся, но онъ не обращаетъ на это вниманія, говоря «чему быть, того не миновать, надо служить, а не рисовать себѣ излишнихъ страховъ».

Въ театрѣ шла раздирающая драма. Въ концѣ представленія многія были въ истерикѣ. По увѣренію очевидцевъ, не обошлось и безъ симулянтскъ, которыя при первомъ выстрѣлѣ быстро пришли въ себя и поспѣшили уѣхать домой. Августовскій вышелъ на подъѣздъ распорядиться разѣздомъ. Находявшагося при немъ безотлучно городского онъ отослалъ отъ себя. Напрасно тотъ просилъ разрѣшенія остаться при немъ. Какъ только Августовскій вышелъ въ калитку, какъ «герой» выстрѣлитъ ему въ спину. Пуля, пробивъ щеку, вышла около носа. Августовскій оборачивается, выхвативъ револьверъ, и получаетъ вторую пулю въ животъ. Герой мужественно бѣжитъ, обдавая публику выстрѣлами, подъ которыми падаетъ офицеръ Малковъ, раненый въ пахъ, и служащій у Бекъ-Назарова, въ ногу. Помощникъ пристава К. подхватываетъ раненаго Августовскаго на руки и увозитъ его въ больницу. Здѣсь три часа ждутъ доктора. По милымъ порядкамъ, введеннымъ въ больницу, дежурствъ нѣтъ. Ташкентскій эскулапъ приказалъ гражданамъ по ночамъ не болѣть и потому, должно быть, разосланные въ разные концы за докторами извозчики возвращались съ донесеніемъ: доктора дома нѣтъ! Гдѣ же они были въ столь поздній часъ?

Наконецъ, явился докторъ, осмотрѣлъ больного и отложилъ серьезное изслѣдованіе до слѣдующаго дня.

Въ 8 часовъ утра намъ удалось видѣть несчастнаго Августовскаго. Онъ былъ въ совершенно сознательномъ состояніи.

— Ну, вотъ, наконецъ, они меня поймали, но это ничего! Богъ дастъ встану. Не даетъ покоя мысль о сегодняшнемъ днѣ, назначено гулянье, много работы, надо бы распорядиться.

— Что ваша рана въ голову?

— Въ голову ничего,—я ее не чувствую. Въ боку жгло ужасно, теперь лучше.

Приѣхалъ операторъ, сдѣлалъ операцію, а черезъ четверть часа Августовскаго по стало!

У гроба его собралась огромная толпа народа, который, во главѣ съ генералъ-губернаторомъ, молился за усопшаго.

Въ виду выдающейся службы покойнаго, ему были отданы военные почести; хоръ военной музыки провожалъ катафалкъ до могилы.

Огромное стеченіе народа явилось рѣзкимъ протестомъ общества противъ гнуснаго убійства, но это, конечно, не вразумить понохавшаго крови звѣря-человѣка, и тѣ рыданія, которыя, раздирая душу, неслись изъ груди семейства покойнаго, не пробудятъ совѣсти въ тѣхъ, кто потерялъ ее безвозвратно.

Когда опустили гробъ въ могилу, передъ зияющей пастью ея предстала величавая фигура маститаго, всѣми любимаго старика. Уважаемый всѣмъ Туркестаномъ командиръ корпуса Е. В. Шницбергъ, глотая слезы, сказалъ краткое, но сильное слово. Оно дошло до сокровенныхъ тайниковъ души каждаго, и вся толпа заплакала, какъ одинъ человѣкъ...

Миръ праху твоему, дорогой мученикъ долга! Кровь твоя еще тѣснѣе сплотитъ насъ, оставшихся на землѣ для борьбы съ подлымъ насиліемъ, самозванно именующимъ себя русской революціей»...

Любопытно, что городской голова («кадетъ») не счелъ нужнымъ прислать вѣнокъ на гробъ пристава, служившаго городу. Другая мѣстная газета «Ташкент. Курьеръ» мелко- и подло-освободительная, помѣстивъ сухую замѣтку о покушеніи на Августовскаго, распространялась съ злорадствомъ о томъ, что послѣдній будто-бы бѣжалъ отъ преслѣдованій, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, спасаясь, разстрѣливая толпу не онъ, а трусливый социаль-убійца.

Мергенъ.

Персидскія дѣла.

Издающаяся въ Калькуттѣ персидская газета «Хабль-уль-Матинъ», офиціозъ партіи персидскихъ націоналистовъ, въ теченіе четырнадцати лѣтъ постоянно рекомендовала персіянамъ остерегаться «дружескихъ услугъ» европейцевъ и всѣми силами стараться, путемъ введенія общечеловѣческой культуры въ свое отечество, выйти изъ мрака невѣжества и присоединиться къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ.

Благодаря радикальному направленію, распространеніе этой газеты въ предѣлахъ Персіи за время ея существованія нѣсколько разъ воспрещалось. Въ настоящее же время, когда въ Персіи объявлена свобода печати, редакція «Хабль-уль-Матинъ» открыла свое отдѣленіе въ Тегеранѣ и начала издавать здѣсь ежедневную газету подъ тѣмъ-же названіемъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ газета, повторяя свой тезисъ, между прочимъ, говоритъ: «Хотя въ Персіи деспотизмъ уступилъ мѣсто конституціонализму, она попрежнему представляетъ широкое поле дѣятельности для иностранцевъ, такъ какъ ни шахъ, ни парламентъ не въ состояніи влить жизнь и энергію въ это пока изображающее изъ себя безнадежно больного человѣка государство. Въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія Персія влачила жалкое политическое существованіе, благодаря лишь соперничеству Россіи и Англіи, въ вопросѣ о полученіи исключительнаго торговаго и политическаго значенія, говоря иначе—полнаго хозяйничанья.

«Теперь эти европейскія государства, убѣдившись въ томъ, что каждое изъ нихъ въ Средней Азии вообще, а въ Персіи въ особенности, слишкомъ сильно, чтобы быть побѣжденнымъ своимъ соперникомъ, и оставивъ бесполезную борьбу, пришли къ взаимному соглашенію относительно этой страны.

«Соглашеніе это явилось какъ нельзя болѣе во время и кстати, такъ какъ